

Леонид Пронский

Интервью с Макиавелли

Искусство политики в российской
истории от Николая II до Владимира
Путина

Леонид Пронский

Интервью с Макиавелли

«Издательские решения»

Пронский Л.

Интервью с Макиавелли / Л. Пронский — «Издательские решения»,

Книга написана в необычном жанре научной мистификации. В ней Н. Макиавелли излагает свою знаменитую теорию политического искусства, иллюстрируя ее примерами из российской новейшей истории.

Содержание

Предисловие	6
Что побудило Вас написать вашего «Государя»?	7
Почему наш царь Николай II потерял власть над Россией?	8
Почему не удержало власть Временное правительство в 1917 году?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Интервью с Макиавелли
Искусство политики в российской истории
от Николая II до Владимира Путина
Леонид Пронский

© Леонид Пронский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Необычный жанр этого произведения объясняется желанием автора дать возможность российскому читателю прочесть знаменитого «Государя» Никколо Макиавелли (1469—1527) по-новому, но при этом в чем-то – даже и более аутентично, чем в его традиционных изданиях.

Небольшой трактат «Государь», написанный великим флорентийцем более 500 лет назад (в июле-декабре 1513 года), был адресован прежде всего конкретному правителю – внуку знаменитого Лоренцо Медичи Великолепного (1449—1492) Лоренцо II Медичи (1492—1519), которого автор надеялся вдохновить и подвигнуть на великое дело – объединение разрозненной тогда Италии. Считая эту цель священной, Макиавелли советовал ему не стесняться в средствах, что и получило впоследствии название «макиавеллизма».

Сам же Макиавелли в этом трактате старался доказать, подкрепляя свои обобщения и выводы многочисленными примерами из древней и современной ему истории Европы (и, в особенности, родной ему Италии), что государям и нельзя действовать иначе, поскольку такова природа людей и самой политики как искусства управления государством. В итоге трактат его приобрел характер краткого руководства по искусству политики и впоследствии стал настольной книгой для многих государей Европы и мира (одним из первых ее приказал перевести для себя и своих детей турецкий султан Мустафа III – младший современник Макиавелли).

Но для российского читателя знаменитая книга Макиавелли обладает тем недостатком, что все примеры ее почерпнуты из нерусской истории, которая нашему читателю либо плохо известна, либо неинтересна, и потому трактат великого флорентийца не обладает для нас той степенью поучительности, которую он, несомненно, имеет для читателя европейского. Поэтому мы и сочли полезным перевести это выдающееся произведение не только на наш язык (что давно уже сделано другими¹), но и, так сказать, – на язык российской политики, наполнив его примерами из нашей собственной истории, в том числе и новейшей. При этом все общие положения и выводы здесь принадлежат самому Макиавелли (или сформулированы в его духе), но все иллюстрации к ним принадлежат нам.

Что из этого получилось – судить читателю.

16 января 2016 года.

Леонид Пронский: Мессер, позвольте начать с одного личного вопроса.

¹ См., напр.: Макиавелли Н. Государь / Пер. с ит. – М.: Планета, 1990; Макиавелли Н. Государь // Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1996 и др.

Что побудило Вас написать вашего «Государя»?

Никколо Макиавелли: Несчастья моей родной Италии, мой многолетний опыт в ее делах и непрестанное изучение дней минувших. Положив немало сил и усердия на обдумывание всего того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом трактате, которому и дал название «Государь», намереваясь преподнести его в дар Его светлости Лоренцо деи Медичи. Пусть не сочтут за дерзость, что человек ничтожного и низкого звания взялся обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом горы и холмы, и – подняться в гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы узнать характер народа, надо быть государем, а чтобы постичь природу государей, надо принадлежать к народу.

Знаю, что многие писатели и даже молодой наследник короля Пруссии, движимые благородными чувствами, составили подробные опровержения моего трактата². Но мне по-прежнему нечего добавить к словам моего соотечественника³, заметившего как-то, что упомянутому государю следовало бы писать свое опровержение не до, а после того, как ему самому уже довелось поцарствовать. Имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной, в отличие от многих, кто изображает республики, каких в действительности никто не знал и не видывал. А расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что государь, отвергающий действительное ради должного, действует скорее во вред, нежели на благо. Желая исповедовать добро во всех случаях, он неминуемо гибнет сам и губит свое государство, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру.

² Имеется в виду сочинение молодого Фридриха II Великого (1712—1786) «Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления», написанное под влиянием Вольтера.

³ Имеется в виду корсиканец по происхождению Наполеон Бонапарт (1769—1821).

Почему наш царь Николай II потерял власть над Россией?

Н.М.: Любого государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. Что же касается подданных, то они состоят из знати и народа, ибо нет страны, где не обособились бы два эти начала. Знать желает подчинять и угнетать народ, народ же не желает находиться в угнетении; поэтому взаимная их вражда и ненависть друг к другу естественны и неустраимы. Из этой-то вражды и ненависти и возникает власть государя, под защитой которого каждая из сторон надеется блюсти свои интересы.

Поэтому государь, желающий обуздать народ, всегда может рассчитывать на знать, а желающий укротить знать всегда может рассчитывать на поддержку народа. Когда ваш первый царь, Иван IV почувствовал сопротивление и даже угрозу себе со стороны знати, он неожиданно выехал со всем двором из Москвы в Александровскую слободу, откуда прислал в столицу две грамоты: одну – боярам, другую – народу. В первой он сообщал, что «от великия жалости сердца, не хотя их изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал где вселивается, иде же его, государя бог наставит». Народу же он отписал, «чтобы они себе некоторого сомнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет».

Исчезновение государя ужаснуло и тех, и других. «Х кому прибежем и хто нас помилует и хто нас избавит от нахождения иноплемennых?», – возопил народ и бросился к хоромам знати, требуя, чтобы те покались перед Иваном и упростили его вернуться на царство. «А хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят», – пригрозили москвичи. Боярам пришлось повиниться перед государем и согласиться на его «опричнину», от которой последовал вскоре великий террор, загубивший тысячи знатных душ. Так этому государю удалось укротить свою строптивую знать с помощью народа.

Но и государь должен опасаться своих подданных.

Кто же из них опаснее?

На первый взгляд – народ, ибо, если он разойдется, с ним ничего нельзя поделать, так как он многочислен. Со знатю же расправиться можно, ибо она малочисленна. Кроме того, государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право – карать и миловать, приближать или подвергать опале. И все-таки знать опаснее народа, так как нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно – требования народа, потому что у народа более честная цель: знать желает угнетать народ, а народ не желает находиться в угнетении. Народ многочислен, но ему труднее сговориться, поэтому он, на худой конец, лишь отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ожидать и большего, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее.

Поэтому самое опасное для государя – тайный заговор знати.

Но, как показывает опыт, заговоры возникали часто, а удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. А когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя лишь тот, кто является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя. Поэтому заговор может состояться лишь в условиях широкой ненависти или презрения к государю со стороны граждан.

Ваши императоры Петр III и сын его Павел жестокостью своей и сумасбродством возбуждали к себе сильнейшую ненависть знати, почему и были свергнуты с первой же попытки. Тогда как декабристов, например, выдали Александру I Шервуд и другие уже к лету 1825 года, ибо государь этот, отразивший самого Буонапарте и вступивший в Париж, был почитаем своими подданными. Елизавета, дочь Петра Великого, обе Екатерины и другие русские государи, умевшие заслужить дружбу знати, не знали заговоров, хотя и правили долгие годы. Не знал их и Александр II, который, хотя и лишил дворянство власти над крестьянами, но защитил при этом их интересы так, что помещики ничего не проиграли от этого, и даже выиграли. Отпустив крестьян на волю, он повелел отрезать у них пятую часть их лучших земель в пользу бывших хозяев и при этом обложил крестьян выкупными платежами, нараставшими по долгам с процентами, так, что освобожденным стало не лучше, а даже хуже.

Правда, Александр был убит за это фанатиками из народа. Но по этому поводу уместно заметить, что всякий, кому не дорога жизнь, может совершить покушение на государя, так что нет верного способа избежать гибели от руки человека одержимого. Но этого не следует так уж бояться, ибо подобные покушения случаются крайне редко. Важно лишь не подвергать оскорблению окружающих тебя сановников и людей, находящихся у тебя в услужении, то есть не поступать так, как тот же Петр III (Карл Петер Ульрих), который открыто презирал все русское, постоянно оскорблял окружавших его вельмож и офицеров гвардии, прозванных им «янычарами», однако продолжал держать их подле себя, требуя верной службы. Это было безрассудно и не могло кончиться для него ничем хорошим. Вскоро он был арестован и убит караулившими его гвардейцами во главе с Алексеем Орловым.

Что же касается заговоров знати, то из всех способов предотвратить их, самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Но даже если такие заговорщики и найдутся, они неминуемо потерпят поражение.

Что дело обстоит именно так, можно убедиться и на примере из вашей недавней истории. Пока Михаил Горбачев был любезен народу, знать подчинялась ему, хотя и была недовольна им за его двоедушие и болтливость. Но по мере того, как народ отворачивался от государя, против него зрели заговоры. И наоборот, – те, к кому переходила народная любовь, становились все более дерзкими. Борис Ельцин и другие честолюбцы шаг за шагом ограничивали его власть, и к началу 1991 года им оставалось сделать уже совсем немного. Почувствовав приближение конца, Горбачев попробовал утратить раскольников. В окружении главного из них – Ельцина – нашли заговорщиков, в помощь которым в столицу были введены войска. Однако последовал такой взрыв негодования столичных толп, поднявшихся на защиту своего любимца, что Горбачев тотчас оставил свои планы и пригласил мятежников на переговоры в Ново-Огарево. Недовольные этим отступлением ближайшие помощники самого Горбачева стали склонять его к повторению попытки, но после того как тот, не сказав им ни «да», ни «нет», отбыл на отдых в Крым, решили действовать самостоятельно. Они объявили в стране чрезвычайное положение, снова ввели в Москву войска и попытались восстановить порядок. На стороне ГКЧП тогда оказалась почти вся знать, на стороне же Ельцина – только простой московский люд, что казалось довольно слабой опорой.

На деле же нет и не может быть ничего сильнее народа. И пусть мне не возражают на это расхожей пословицей, что, мол, на народ надеяться – что на песке строить. Пословица верна, когда речь идет о простом гражданине, который тешит себя надеждой, что народ защитит его от властей и вызволит из беды. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись в свое время Солженицын, Сахаров и другие смутьяны, как обманулся поначалу и сам Ельцин, когда он впервые выступил против Горбачева, еще не утратившего доверия народа. Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает

духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности этой опоры.

Это все и увидели в августе 1991 года, когда простые москвичи поднялись на защиту своего Верховного Совета и главы республики по их призыву. Соппротивление народа, которого заговорщики не ожидали и к которому не готовились, обескуражило их, и они бросились в Форос к Горбачеву, надеясь обрести в нем защиту (ибо они действовали в его же интересах, от его имени, и по его же собственному плану). Однако тот, возвращенный людьми Ельцина в уже «другую Москву», осознал вдруг, что теперь может спасти себя – только отрекшись от своих слуг, что он тут же и сделал. Но власть свою он спасти уже не мог, ибо она на деле уже перешла к его сопернику. Оставалось только подыскать этому пристойное оформление, что и было вскоре сделано. Так при поддержке москвичей и при сочувствии большинства народа новым государем России сделался Борис Ельцин.

Сказанного достаточно, чтобы понять причины по которым утратил власть и ваш последний император, – Николай II Романов, ибо он во всем почти был подобен Горбачеву. Непосредственная причина потери власти – заговор верхушки знати, принудившей царя к отречению. Заговор возник и состоялся потому, что презрение и ненависть к государю достигли огромных размеров. Заговорщики решились на переворот, видя, что устранение царя угодно большинству народа.

И пусть те, кто, властвуя много лет, лишился власти, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед – по общему всем недостатку в затишье не думать о буре, – когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что граждане, раздраженные бесчинством победителей, призовут их обратно. Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказываться ради него от всех прочих, как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, как Ельцин «выручил» Горбачева, это небезопасно для тебя, ибо ты окажешься в положении зависимом и унижительном. А только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят лишь от тебя самого и от твоей доблести.

Николай же, желая избавить страну от смуты, без сопротивления отрекся от власти, чем и развязал эту смуту, погубившую как его самого, так и его государство. Мудрые государи, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны не избежишь, а только оттянешь ее – к выгоде противника. Император мог подписать отречение, если не было другого выхода, но ему следовало затем внять советам императрицы и нарушить клятву при первой же возможности. А случаев к тому у него было достаточно – и в Могилеве, куда его опрометчиво отпустила мятежная Дума (и где он узнал об отречении Михаила, которому передал власть), и позже, – в Тобольске, где у него была прекрасная возможность бежать еще до прихода к власти Ленина с большевиками и где Николай предпочел заняться чтением романов Альфонса Доде. Если же мне заметят, что император, как человек чести, не мог взять обратно данное им слово, то я отвечу на это кратко здесь, сказав, что государь не может быть таким человеком; но далее я продолжу это рассуждение там, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом они должны исполняться.

Вообще же скажу, что никакие пороки государя – жестокость, распущенность, лживость и т. д. – не могут ему повредить, если он умеет не допускать двух вещей – презрения и ненависти со стороны граждан. Допустив разрастание одного или обоих этих чувств, он погиб. О ненависти я скажу подробнее в другом месте. Презрение же государи вызывают нерешительностью, непостоянством, изнеженностью, малодушием и легкомыслием. И Николай в этом, будучи в остальном безупречным человеком и семьянином, показал себя слабым правителем. Он допустил к власти своих многочисленных родственников, которые заняли при нем все высшие должности в армии и государстве, оттеснив от них более способных граждан. И этим

он настроил против себя большинство знати. Поддаваясь влиянию со всех сторон, Николай часто менял свои решения, устроив, по выражению современников, «министерскую чехарду» в правительстве. Недовольство народа подавлялось казацкими ногайками. Погруженный в дела и заботы своей семьи, он запустил армию, отчего его генералы и министры проиграли с треском свою «маленькую победоносную войну», в которой потеряли цвет флота, сдали Порт-Артур и отдали японцам Квантунскую область и половину Сахалина. Это привело к народному бунту 1905 года, в ходе которого лозунг «Долой самодержавие!», стал «популярной народной поговоркой». Горело половина поместий по всей России, рабочие бастовали, устраивали шествия и дрались с полицией, матросы захватывали корабли. Во многих городах возникали стихийные Советы рабочих депутатов. Петербургский Совет во главе с Троцким организовал Всероссийскую политическую стачку, а Московский – вооруженное восстание, в ходе которого рабочие 10 дней сражались с полицией и войсками. Плеве был убит террористами-эсерами и по всей стране было убито несколько десятков князей, министров, губернаторов и градоначальников.

К 1907 году народный бунт был подавлен жестоким Столыпиным, сменившим Витте (которого народ наградил презрительным прозвищем «графа полу-Сахалинского»). Но для успокоения мятежной знати царь вынужден был пойти навстречу тем самым ее «бессмысленным мечтаниям», в которых ей было отказано при его восшествии на престол. Манифестом 17 октября ей была дарована Государственная Дума, в которую были допущены также и выборы от народа. Крестьянам Николай объявил о прощении долгов, но они все громче требовали раздела помещичьих земель, за которые готовы были бунтовать снова и снова. И земельный вопрос сразу же сделался главным в собраниях новоиспеченной Думы, за что царю пришлось ее разгонять снова и снова. Видя такое обращение со своими выборными, крестьяне окончательно убедились в том, что государь потворствует только знати, и отвернулись от него.

Защитники крестьян, эсеры убили Столыпина в 1911 году, и после этого крестьянская ненависть перешла уже на самого Николая. В добавок ко всему в народе широко распространилось мнение о том, что «царь этот несчастлив» (рождение в день многострадального Йова, Ходынка, проигрыш войны японцам, больной наследник и т.д.).

Народная вера в царя полностью иссякла.

При этом Николая все больше презирала и ненавидела уже и сама знать, – за то, что окружил себя бездарными слугами и министрами, что проиграл войну азиатам, что потакает своим родственникам, что оказался под каблуком у жены-немки, которой позволил и самой вмешиваться в его дела, и допустить к тому темных людей, вроде старца Распутина. От царя отвернулась даже церковь.

Таким образом, к началу 1914 года, когда в Европе исподволь назрела Великая война, Николай сумел уже настроить против себя большинство и народа, и знати. Втянувшись в таких условиях в войну на стороне Британии и Франции, перед которыми он успел накопить к тому времени огромные долги, Николай совершил большую ошибку. Страна была не готова к войне ни морально, ни физически. На худой конец, царь мог бы подключиться к ней на ее последней стадии, когда наступило бы время делить трофеи, как это делают всегда расчетливые американцы. Николай же сразу ринулся исполнять свой «союзнический долг» и бросил свои, плохо вооруженные, войска в наступление.

Как и предсказывал Распутин, русская армия стала терпеть одно поражение за другим, и к осени 1915 года царь потерял уже Польшу, Литву, часть Украины и Белоруссии и 3,5 млн. своих солдат – убитыми, ранеными и взятыми в плен. Ставка его командования перебралась из Барановичей в Могилев, а на восток хлынули потоки беженцев и переселенцев, насильственно угоняемых генералами из оставляемых врагу губерний. Это породило сильное расстройство в тылу и резкую критику его правительства в Государственной Думе.

Побуждаемый мистическими представлениями о своей персоне, Николай отстранил от командования своего дядю и возглавил армию лично, хотя министры советовали ему этого

не делать. Но и под его командованием дела на фронте пошли не лучше, и к осени 1916 года общие потери его армии составили уже 6,5 млн. человек. Новобранцы сотнями тысяч дезертировали из армии и сдавались в плен, так что к концу 1916 года солдат на фронте оказалось уже в 3 раза меньше, чем в начале войны.

Новые волны беженцев и дезертиров, затопившие тыл, привели к возникновению голода в городах. Хлеб и топливо стали цениться на вес золота, а бумажные деньги обесценились. Хотя урожай 1915 года оказался самым высоким за последние годы, помещики и крестьяне отказывались продавать хлеб за обесценившиеся деньги. Нехватка продовольствия в городах и на фронте сделалась главной бедой правительства.

Фабриканты и купцы, богатевшие на военных поставках, плохо снабжали армию, а думские заговорщики во главе с Родзянко, урвавшим и для себя подряд на поставку березовых прикладов к винтовкам по завышенной цене, непрерывно поносили царских министров, требуя их замены «ответственным правительством». Отставной глава Думы, банкир и авантюрист Гучков готовил план перехвата императорского поезда между Могилевом и Царским Селом и принуждения царя к отречению. Князь Львов обсуждал возможность замены Николая его дядей, великим князем Николаем Николаевичем и вел об этом переговоры с последним. При этом заговорщики активно вербовали командующих фронтами во главе с начальником Генерального штаба Алексеевым. И никто из посвященных в их планы, включая и дядю императора, не сообщил о них государю.

Видя невозможность продолжать войну, Николай в октябре 1916 года вступил в окольные переговоры с кайзером о заключении сепаратного мира. Однако Британия и Франция через своих послов возбудили против него правых депутатов Думы, выступивших с публичными обвинениями главы правительства и двора в предательстве. «Что это – глупость или измена?», – восклицал с трибуны Государственной Думы ученый профессор англофил Милюков.

Не видя другой возможности получить хлеб для горожан и фронта, царь объявил в ноябре 1916 года продразверстку, но помещики и крестьяне все равно отказывали в поставках. Дума же только усилила давление на двор и правительство, а столичные газеты и журналы распускали слухи об измене императрицы и сговоре ее с немцами. В этих условиях в Петрограде возник заговор аристократии против царицы, приведший 16 декабря к убийству ее «Друга» – Распутина. «Доколе я с вами, – обещал тот царской чете, – не будет вам ничего худого».

Теперь его, наконец, не стало.

И 14 февраля 1917 года левый депутат-трудовик Керенский публично призвал в стенах Думы уже к «физическому устранению главной опоры средневекового режима». Родзянко заговорил о «начале второй русской революции». Новые неудачи на фронте и резкое ухудшение снабжения хлебом столицы, скованной 40-градусными морозами, окончательно оттолкнули от царя обывателей Петрограда и привели к новому бунту столичных низов и к перевороту, лишившему его власти.

Почему не удержало власть Временное правительство в 1917 году?

Н.М.: Опора всякого государства – государь, с исчезновением которого народ и знать оказываются лицом к лицу в своей непримиримой ненависти и вражде друг к другу. В таких обстоятельствах новый государь учреждается по требованию либо народа, либо знати, в зависимости от того, кому первому представится случай. Знать, видя, что не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолять свои вожеления. Так же и народ, видя, что не может сопротивляться знати, выдвигает кого-нибудь из своих, чтобы обрести в нем себе защиту (древние называли их «тираннами»).

В феврале-марте 1917 года народ в России был вооружен, озлоблен против царя и знати и имел множество способных вождей, давно ожидавших падения Николая и готовившихся к нему. Часть из них отбывала наказание в Сибири, а другая пребывала в эмиграции, действуя оттуда с помощью газет, листовок, брошюр и других средств подрыва власти. Среди последних находился и решительный вождь большевиков Владимир Ульянов (Ленин), застрявший к тому времени в Швейцарии. Но и без него способных кандидатов в тираны у народа было достаточно, что можно видеть уже из быстрого появления целой сети рабочих, крестьянских и солдатских Советов, возникших, как грибы после дождя, уже в начале марта по всей России. Действуя решительно и смело, народные депутаты и вожди смогли созвать первое Всероссийское совещание своих делегатов уже к концу марта 1917 года, а к началу июня они провели уже и свой первый Всероссийский съезд.

Напротив, знать, привыкшая к тайным заговорам за спиной царя и безопасной болтовне в Думе, была не готова к войне за власть. С началом бунта в столице 23 февраля солдаты 100-тысячного Петроградского гарнизона уже на третий день отказались стрелять в народ, вышли из подчинения офицерам и командующему округом генералу Хабалову и высыпали из казарм на улицы с красными флагами и пением «Марсельезы». Отсутствие Николая в столице не позволило ему принимать быстрые решения, и его правительство действовало замедленно и вяло. «Дайте мне власть, – говорил 25 февраля Родзянко, – и я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб». Это было бахвальством. И уже через два дня генерал Хабалов заперся с небольшим отрядом в крепости Адмиралтейства, а народ разгромил Арсенал и получил в свои руки оружие, с помощью которого быстро разогнал всю столичную полицию, пытавшуюся водворить порядок. «Зверь вышел из клетки, – писал об этих днях депутат-монархист Шульгин, – но этот зверь был, увы, – Его Величество русский Народ». Лишенное поддержки полиции, царское правительство во главе с князем Голицыным, который, по его же словам, «больше любил и понимал лошадей, чем людей», просто разошлось по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.